Глава 24
「Умолкни, ____」

Далёкое прошлое.

В этот мавзолей вело множество путей.

Хотя, глядя на то, что находилось в их конце, можно было сказать, что они ничем не отличались друг от друга.

Некоторые называли священные земли горы колокольней, благословляющей естественный конец жизни. Для других же они были *порогом* подземного мира.

Эти земли являли собой воплощение концепции, к которой в конечном итоге придёт всё живое в этом мире. Но в то же время на них нельзя было ступить, не миновав ущелье, которого все избегали.

Мавзолей Азраила.

Их тех, кому действительно удалось оказаться на этой горе, лишь немногие добрались до *конца и начала* на её вершине.

Дело далеко не в самом пути. Большинство живущих в мимолётном мире даже не знают, существует этот храм на самом деле или нет.

Потому что, достигнув сего места, человек прекращает свою жизнь в этом мире.

Опасности самого пути тоже могут привести к гибели.

Но суть не в этом.

Человек поистине теряет жизнь, как только добирается до этого места целым и невредимым.

Ибо награда для тех, кто прибывает в мавзолей, - это колокол, возвещающий буквальный конец их естественной жизни. Вечерний звон и мерцание клинка, призывающие к мирному покою.

В этом месте упокоения духов во все времена обитает лишь один человек.

Старик без лица. Жив он или же просто решил остаться здесь после смерти, понять невозможно.

Вестник смерти, которого старейшины ассасинов, известные как Хассан ибн Саббах, почитают и бесконечно уважают.

Проклятая рука.

Опьяняющий дым.

Безмятежность.

Теневое свежевание.

Дрожащая трубка.

Сто лиц.

На протяжении поколений старейшины ордена ассасинов обладали уникальными эпитетами и навыками убийства, соответствующими этим именам.

Старик с горы был единственным, кто таким не обладал. Он считался основателем ордена, самой его идеей.

Недостижимая звезда, незримый закон, неизбежный *палач* восемнадцати старейшин, последовавших за ним.

Деградация Хассана ибн Саббаха в каждом поколении не допускалась.

Стоило ему или ей отбросить мораль и погрязнуть в человеческих удовольствиях, великие цели превращались в личные желания и начинали противоречить догматам.

И поскольку терпеть такое было нельзя, к Хассанам являлся Старик вместе со звоном вечернего колокола.

К одним, потому что их навыки убийства притупились из-за возраста или вырождения.

К другим, потому что их поглотила скверна желания.

Чтобы отправить их в вечную тьму своим клинком, не ведающим жалости, словно сама смерть, которая рано или поздно приходит к каждому.

Настоящие старейшины ордена ассасинов должны целиком посвятить себя догматам и сковать своё эго именем Хассан.

Как только они по той или иной причине перестают соблюдать эти условия, их жизнь подходит к концу.

Им не нужно добираться до мавзолея. Старик появится за спиной Хассанов, сошедших с правильного пути, где бы они ни были.

Словно настоящий мавзолей Азраила – это он сам.

Поэтому, несмотря на то, что все старейшины ордена ассасинов слышали про духовный мавзолей, лишь единицы, почувствовав, что сыграли свою роль, отправлялись туда, чтобы добровольно расстаться с жизнью.

Однако в бесконечном потоке времени может появиться кто-то, готовый бросить вызов сильным ветрам разума.

Полая фигура была *не такой, как другие*.

Тень пересекла туманное ущелье в засушливом регионе, словно марево.

Будучи явно живым, он был закован в ауру, намекавшую на то, что ему довелось ступить на границу между миром мимолётным и миром подземным, смешавшись с обоими. Эта фигура просто двигалась вперёд, вперёд, вперёд, вперёд...

Преодолев множество испытаний и тягот, тень добралась до мавзолея.

И наконец-то предстала перед его стражем, *стариком без лица*.

Купаясь в присутствии Старика, напоминавшего смерть во плоти, тень лишь произнесла слова уважения к этому почтенному месту.

Для этой фигуры, которая даже ассасином не была, не говоря уж о старейшине ордена, *жизнь закончилась прежде, чем ей довелось услышать вечерний колокол*.

После время продолжило идти своим чередом.

Двести лет. Пятьсот лет. Минуло достаточно времени, чтобы тень великого древа исчезла без следа.

Достаточно времени, чтобы тень рока оставила на мире подпалину.

× ×

Несколько дней назад.

— Чего ты хочешь от Святого Грааля, Ассасин? — спросил Мастер, заключивший контракт с тенью в этой Войне за Святой Грааль в промежутке между истиной и ложью.

Он прекрасно понимал, что его Слуга не отличался разговорчивостью.

Но после заключения контракта Мастер начал именно с этого вопроса. В попытке узнать хотя бы что-нибудь о природе его Слуги… или найти его слабость.

В обычной Войне за Святой Грааль большинство Героических душ откликаются на зов, потому что у них есть какое-то желание, которое Грааль может исполнить.

Цель Мастера призванной тени заключалась в том, чтобы как можно быстрее и эффективнее узнать своего партнёра через понимание главной причины его присутствия.

Тень воплотилась в классе Ассасин. Эта Героическая душа по имени Хассан ибн Саббах была аномалией в глазах Мастера, который многое знал о Войне за Святой Грааль.

Ведь даже он сам не мог видеть количество магической энергии своего Слуги, не говоря уж о физических способностях.

Судя по его словам, Ассасин явно испытывал своего Мастера. Любой неверный ответ мог легко привести к обезглавливанию во сне.

Мастер мог ограничить действия Слуги с помощью командного заклинания, но из-за зловещести Ассасина он верил, что сковывание этой Героической души подобным образом требовало готовности лишиться всего.

В содержании приказа не могло быть даже намёка на ошибку.

«Эта Героическая душа вообще не боится своего исчезновения… своей второй смерти».

Только это ему удалось понять с тех пор, как они заключили контракт.

Поэтому Слуга и был таким зловещим.

Что здесь забыл тот, кто не боится смерти, кто готов уйти без сожалений?

На данном этапе он всё ещё не знал, что делать. Использовать своего Слугу? Или же готовиться к его мятежу? Мастеру не хватало информации.

Поэтому, даже несмотря на то, что Слуга увидит просчитанный личный интерес, Мастер всё равно решил спросить.

— Можешь сказать? Если твоё желание противоречит моему, я знаю, как нам достичь честного компромисса.

Несмотря на то, что он придал искренности своим словам, тень ничего не сказала.

Мастер слышал лишь гудение компьютерного монитора, с которого он не сводил глаз. Его подсознание уловило слова, пронёсшиеся по краям экрана.

Словно сама мысль о том, чтобы произнести их вслух, не вызывала у тени ничего, кроме презрения.

«Исполнителя желаний не существует в моих учениях...»

— ?..

«На моём пути нет ему места, ибо тронут он скверной изначально, и поэтому я здесь».

Мерцающие слова в потоке букв походили на загадку. Слуга использовал термин «исполнитель желаний», что было практически символической функцией. Он как будто намеренно избегал слов «Святой Грааль».

Тень просто оставила новую строку на экране и растворилась во мраке города, не дожидаясь ответа от Мастера.

«Свет сего исполнителя желаний не достигает меня, и я, сама тень, никогда его не коснусь».

И затем он скользнул во тьму ритуала.

В равной степени оценивая тени всех, кого освещал Святой Грааль.

Даже после призыва в качестве Героической души его сознание осталось прежним.

Эта «личность» - всего лишь тень Старика, возникшая из-за блеска.

Блеска клинка, который отсёк ему голову.

Он был не Стариком с горы, а тенью, которая только подражала его воле.

× ×

Настоящее.

Тень оставалась на месте, слившись с лесом Сноуфилда, который превратился в адский пейзаж с месопотамской богиней, её божественным зверем и демоническим существом в центре.

Чтобы убедиться, что его роль подошла к концу.

Он полагал, что если это был конец света, то возвращение в вечную ночь вместе со всем человеческим порядком тоже было частью его роли.

Однако... в глазах тени отразился образ Ассасин.

Искательницы правды, которая, несмотря на все тяжести, шла по пути, в который верила, но не получала ответа.

× ×

Специальный исправительный центр Коулсмана.

— Как дела с отключением связи? — спросил Фалдеус.

— Идём по графику. Городская телефонная вышка скоро отсечёт как гражданские, так и военные линии. Мы полностью готовы заглушить все

беспроводные передачи, кроме тех, в которых используется магия, — доложила Алдора.

— «Ураган опрокинул вышку». Вполне годное прикрытие. Мы столько раз сваливали всю вину на газовую компанию, что мне даже стало её жаль, — пожав плечами, сказал Фалдеус.

— Как поступить с отрядами «Пяденица» и «Барсук» в пустыне и районе болот? — бесстрастно спросила Алдора.

— Пусть ждут приказов. Они расходный материал, да и любое неосторожное действие вызовет у них подозрения. *Дешёвые заклинатели и наёмники мало что могут сделать в сложившейся ситуации*.

× ×

Запад Сноуфилда. Новый храм Иштар.

При виде падающих с неба остатков того, что прежде было современным оружием, из груди Ассасин вырвался стон.

— Весьма впечатляет... ты, ересь во плоти!

Кровососущий монстр, за которым она гонялась, стоял прямо перед ней, но все мысли о нём всего на мгновение, но полностью покинули её голову.

Однако то же самое было верно и для врага Ассасин – призвавшего её вампира Джестера Картура. Несмотря на всю глубину его одержимости, Ассасин стёрлась из всех его чувств.

Нет, было бы правильнее сказать, что их взоры насильно привлекло нечто иное.

То, что произошло, когда предполагаемая богиня проявила свою силу, не просто завладело вниманием Ассасин и вампира. Им казалось, что сами их души оказались под чужой властью.

Она не чувствовала ног. Её внезапно бросило в темноту, где не существовало силы притяжения. Здравый смысл, менявшийся с каждой секундой, твердил, что ничего, кроме храма, попросту не существовало. Возможно, она оставалась в сознании лишь благодаря истовой вере и силе духа.

Настолько непреодолимая мощь – или, возможно, концепция под названием «красота» - переполняла величественное строение перед ней. Новый храм Иштар.

Несите почтение и обожание.
Неба лазурного свод необъятен.
Несите кощунство и осквернение.
Слов смысл гаснет в молний лавине,
В подлинной силе они исчезают.
В невежестве жизнь, поиск равен проклятью.
Ветер безумный всё разрешит.
Небо лазурное всё запретит.

Любая звезда, что в высотах сияет,
Образ богини Иштар отражает
И урожая сезон предвещает.
Жизни, что эта земля породила,
Ввысь устремятся к родному светилу
И, слившись в яром экстазе совместном,
В сфере небесной займут своё место.
Скорбно планета слёзы проронит
И зелень с колосьями ими омоет.
Морю, что в гневе бурлит, почитание.
Посевам, горящим в огне, обожание.
Венеры далёкой сила струится,
Могучим потоком с неба стремится,
И в блеске славы, как только хаос стихнет,
Под новой личиною земли подымет.

Последней богиней Иштар наша станет,
Что милость свою на творенье направит.
Запреты исчезнут, свобода воспрянет,
Иштар всё дозволит, за всё покарает.
Несите почтение и обожание,
Богиня любви она и урожая.
Несите кощунство и осквернение,
Грядущий сезон нам сулит восхищение.

Вокруг храма разносилось нечто, похожее на ритуальную молитву.

Слова, возвещающие наступление новой эпохи, слетали с уст Харли, которая стала главной жрицей нового храма Иштар.

Она ни к кому не обращалась. Девушке внимало её сердце.

Харли видела лишь противящихся богине глупцов, на которых обрушилось знание. Знание того, что современное оружие бессильно перед чарами Иштар. Знание того, как жалко оно упало на землю.

А богиня, которой поклонялась Харли, находилась над храмом.

Иштар, явившаяся в сосуде по имени Филия, властно взирала на земли, всем своим видом показывая, что Джестер и Ассасин перестали её интересовать.

— Ладно.

И затем она огласила свою божественную волю. Не только Джестеру и Ассасин, но и всем магам и Героическим душам, участвующим в Войне за Святой Грааль, возможно, всем жителям Сноуфилда… нет, всему сущему на планете, не ограниченному категориями земли и человечества.

— *Дозволяю встать на колени*.

Невероятно надменные слова.

Произнесённые, однако, могущественным голосом.

Необоснованный приговор разнёсся по землям, словно непреложная истина.

Плодородие.

Одно лишь её присутствие несло миру обильные урожаи.

Лесной воздух был им насыщен.

Всё будто достигло совершенства. Завершения.

Богиня излучала уникальную ауру, вызывавшую экстаз и покорность.

Храм Иштар усиливал её милость, превращая в ветер, переполняемый ощущением того, что наступил конец времён. И этот ветер начал свой путь по всему миру.

Направлял его Небесный бык, божественный зверь, возвышавшийся над западной стороной Сноуфилда.

Достроенный храм стал стержнем нового порядка. Разъедание мира Сингулярностью, созданной в этом лесу, казалось неизбежным.

Но оно встретит некоторое сопротивление.

Будет ли оно исходить от силы самоочищения или от коллективной борьбы обречённых слабаков? Ответ пока не ясен.

Одна частица предстоящего отпора находилась в районе болот в противоположной части Сноуфилда и истошно орала.

× ×

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-А-А-А-А-А-А-А!

Над болотами Сноуфилда эхом разносились потешные вопли.

— Ты там как, Аяка? Можем и пешком добраться, если для тебя это чересчур!..

— Всё н-н-нормально. Надо с-с-спешить!

Причина панических криков Аяки Садзё заключалась в том, что она направлялась на север города верхом на лошади.

Вместе с Сэйбером, за которого Аяка крепко держалась, они пересекали заболоченную местность с невероятной скоростью.

Лошадь, видимо, позаимствованная у одной из духовных основ, которые Сэйбер называл своей «свитой», двигалась ровно и почти не раскачивалась, в отличие от обычного скакуна.

Аяка кричала лишь из-за скорости, испытывать которую ей прежде не доводилось, но она ни разу не попросила Сэйбера замедлиться.

Просто дошло до того, что даже она, ничего не знающая про магию, чувствовала в городе что-то неладное.

На западе возвышалась неподвижная стена настолько плотных облаков, что за ними как будто ничего не существовало, а в новостях сообщали о необычных явлениях по всему миру, особенно выделяя Арктику.

В довершение всего к ней нагрянула Слуга, с которой она ни разу не общалась, и передала приглашение её Мастера организовать единый фронт.

Обычный маг решил бы, что это ловушка, но Аяке подобная мысль даже в голову не пришла.

Вот только дилетантке вроде неё не удалось бы удержать базу, если бы её действительно решили осадить.

Если бы она попросила Сэйбера, то он бы предложил какой-нибудь план, но идея единого фронта ему явно понравилась. Аяка не видела причины ему возражать, к тому же посетившая их «Райдер» не произвела впечатление опасной женщины, что и повлияло на её решение.

Воительница показалась Аяке гораздо надёжнее других Героических душ, которых она видела у больницы, или демонических зверей из мира-барьера.

Разумеется, Аяка проявляла некоторую осторожность и не принимала каждое слово гостьи за чистую монету.

Цепляясь за Сэйбера, она бросила взгляд на лошадь Райдер, скакавшую рядом.

Она без проблем поспевала за ними. Во всяком случае, скакун Сэйбера, казалось, напрягался гораздо больше.

Поскольку гостья упомянула свой класс, Аяка пришла к элементарному выводу, что она зовётся Райдер из-за выдающихся навыков верховой езды.

Сэйбер тоже выразил свой восторг.

— Поразительно! А я считал себя хорошим наездником. Подумать только, ты можешь достичь такой скорости без всяких стремян и седла!

— Столь искреннее восхищение меня немного смущает, но спасибо. Моё племя относится к лошадям как к товарищам и гордится этим, — ответила Райдер, направив любопытный взор на Героическую душу, которая с мальчишечьей честностью не поскупилась на похвалу.

Райдер была счастлива, что её скакун получил больше признания, чем она сама.

— Эй, стоит ли вот так намекать на своё имя?

— Это не проблема. Разумеется, я не стану представляться без причины, но Мастер разрешил мне раскрывать настоящее имя. К тому же… *враги* уже знают, кто я такая.

— Враги? Те, что призвали сюда этот огромный ураган? — спросил Сэйбер, посмотрев на запад.

— Нет. Они лишь *препятствия*, которые наш единый фронт должен устранить, — отвергла его предположение Райдер и закрыла глаза, прежде чем продолжить. — Единственные *враги* в глаза моего Мастера – зачинщики этой Войны за Грааль.

То, что она сказала «в глазах моего Мастера» вместо «в моих глазах», заинтриговало Сэйбера, но он решил промолчать.

Потому что больше всего его интересовала Война за Святой Грааль, в которой он должен сражаться, а не личные битвы других людей.

— Ясно! Что ж, я желаю тебе удачи в бою, и неважно, будешь ли ты моим врагом или союзником!

Глядя на скакавшего рядом Сэйбера, который заявил такое с широкой улыбкой на лице, Ипполита задумалась.

«Этот человек… вроде бы легкомысленный… но он, должно быть, был полководцем или монархом. Наверное, мне так кажется, потому что он живёт здесь и сейчас».

Они совсем недавно встретились лично, но Ипполита уже видела Сэйбера раньше.

Она наблюдала издалека за тем, как Сэйбер сражался против золотого царя. Он хоть и проиграл, но проявил невероятные навыки владения мечом.

У него были глаза генерала, следящего за всем вокруг, не только за воинами.

В бою Сэйбер словно всегда прибегал к первому, что приходило в голову, но каждый раз выбирал наилучший путь и шёл к цели со скоростью, которая казалась божественной.

Она предположила, что он либо придерживался долгосрочных стратегий, либо тесно сотрудничал с тактиком, думавшим за него, но ему в любом случае удавалось доминировать на обширной территории.

«Если он станет врагом, то очень грозным».

Она больше не стремилась заполучить Святой Грааль.

В этом не было смысла.

Потому что человек, которому она собиралась с помощью желания выразить свою волю, тоже воплотился в этой Войне за Святой Грааль в виде мстителя.

«Этот Сэйбер и его Мастер знают, что Героические души призвали для того, чтобы принести в жертву и насытить исполнитель желаний?»

Именно в этот момент Ипполита обратила свой взор на Мастера Сэйбера.

На вид ей было от семнадцати до двадцати пяти лет.

Ипполита осознала, что не может понять, кем была эта женщина.

«Её присутствие… она вообще *человек*?»

Поколебавшись немного, Ипполита сделала вывод, что ей не нужно на этом зацикливаться, и посмотрела вперёд.

Она знала, что они вот-вот покинут район болот и доберутся до ущелья.

«У моего Мастера найдётся гораздо более надёжный ответ, чем у меня».

— Мы почти на месте. Помните, у нас нет намерений становиться вашими врагами. Останется ли оно так после того, как наш союз подойдёт к концу, будет целиком зависеть от ваших целей, но, по крайней мере… Что?!

Ипполита резко оборвала предложение и посмотрела на город.

Вдалеке она увидела дым, поднимавшийся над промышленным районом.

И там, откуда он исходил, ощутила присутствие *врага*.

Оно изменилось, стало ещё более необычным, более зловещим, чем во время их последней битвы, а уровень магической энергии повысился в разы.

Возможно, ощутив то же самое, Сэйбер повернул голову и закричал:

— Ого, там творится что-то потрясное!

Начало битвы не собиралось ждать, пока Сэйбер и Аяка объединятся с Мастерами Ипполиты.

Вестником этого хаоса стал Благородный Фантазм Арчера, жаждущего отомстить богам.

× ×

Сноуфилд. Промышленный район.

Самая высокая труба в округе.

Поскольку последние несколько дней заводы не работали либо из-за местных раздоров, либо из-за урагана, от неё не исходили ни дым, ни жар.

Вместо этого она излучала зловещее и в то же время героическое присутствие.

— Эхо, цепляющееся за божественность.

Извращённая магическая энергия, которая напоминала грязь, начала собираться на его руке, сжимавшей лук.

Внутри его могучей духовной основы поглощали и уничтожали друг друга яд гидры и чёрная грязь.

— Пусть этот выстрел, плод доведённого до совершенства боевого искусства, сожжёт твоё пустое нутро.

Герой собственными силами распределял два вещества по телу. Алкид приступил к своей мести богам.

Отстрел сотни голов

— Девять жизней.

Благородный Фантазм, который несколько дней назад поразил Гильгамеша на улице перед больницей.

Однако теперь Алкид освободился от всех возможных оков, а его Мастер Баздилот предоставил ему столько магической энергии, сколько смог. В результате Благородный Фантазм воплотился в совершенно иной форме.

Стоя на узкой трубе, Алкид натянул тетиву.

Магическая энергия сразу же начала покидать территорию, на которой находился завод, и проникать в тело Алкида через трубу.

Она словно выкачивала кровь из земли.

Иллюзии Благородного Фантазма Прелати спали, и соседние заводы начали постепенно принимать первоначальный вид – руины, которые оставила после себя Слуга Харли Берсеркер.

Труба, на которой стоял Алкид, была единственным, чему он намеренно сохранил форму с помощью объёмной смеси грязи и магической энергии. Лучник преобразовал её в тёмную башню, напоминавшую огромное дерево.

На тетиву были наложены девять стрел.

В руках он держал большой лук, созданный в эпоху мощных таинств и впитавший в себя кровь и энергию множества врагов, сражённых им на бесчисленных полях сражений.

Известно, что Филоктет унаследовал этот демонический лук от Геракла и застрелил из него троянского героя Париса.

Оружие требовало внушительной физической силы вкупе с навыками Арчера. Обычная Героическая душа не смогла бы даже справиться с прочной, словно адамант, тетивой.

Он же без всяких усилий натянул её до предела, направил девять стрел на запад и выстрелил.

Всё выглядело так, будто этот мужчина пытался разогнать своими снарядами надвигавшийся ураган, но прежде чем эта комичная идея успела вызвать у кого-либо смех, стрелы подверглись заметному изменению.

Магическая энергия, покрытая тёмной грязью, вступила в сложную реакцию с ядом гидры на наконечниках стрел, создавая чудовищное искажение пространства по мере того, как они пересекали промежутки между землёй и небом.

Раздался оглушительный звук, и облака взметнувшейся в воздух пыли окутали искажение, принимая форму чёрного колосса.

Гидра.

Траектории стрел стали девятью челюстями, жаждущими откусить от мира кусок, как и легендарный змей когда-то, которого он отправил в могилу.

Обычный человек увидел бы лишь чёрную песчаную бурю, но любой хотя бы немного чувствительный к магической энергии понимал всю её аномальность.

Это была не иллюзия, и уж точно не магия призыва.

Из-за смешения потрясающих техник, которые всегда готовый к бою герой оттачивал всю свою жизнь, зловещего проклятия в виде чёрной жижи, полученного в обмен на божественную ауру, и огромного количества магической энергии, предоставленной Мастером, Девять жизней наконец-то смогли явить миру своего старого врага.

Излишне говорить, что это была не настоящая гидра, а всего лишь почти чудесное явление, порождённое частью Благородного Фантазма, который упокоил легендарного ядовитого змея.

Эта сила пересекла мир, подчиняя законы судьбы и физики своей воле.

И всё ради того, чтобы вцепиться зубами в настоящую богиню, пытавшуюся захватить мировой порядок.

Мстительный лучник не стал смотреть, куда направятся ядовитые змеи, и приготовил следующую пачку стрел.

На его руке был насыщенный силой бога войны пояс, аналогичный тому, который носила Ипполита.

Однако чёрная грязь опутала и поработила эту божественную мощь. Теперь пояс лишь безмолвно посылал нескончаемый поток сырой энергии в лук и стрелы.

— Это проклятие... хорошо сочетается с моим телом.

Чуждая магическая энергия слилась с его собственной.

Наблюдая за потоком, который кричал о своей обиде и проклинал всё на свете, Алкид сказал себе:

— Возможно, моё предыдущее воплощение вступало с ней в контакт, но всё это неважно.

Затем он обратился к «краеугольному камню» в сердце «чёрной грязи», просачивавшейся в его тело. К сути этой массы проклятий, которая всегда казалось ему странно знакомой.

— Я не могу даже предположить, сколько концентрированных человеческих грехов в тебе кипит. Знаю лишь, что ты существуешь только для того, чтобы проклинать людей. Прости, но я подгоню твою силу под мою злобу.

Алкид натянул тетиву, вновь вливая магическую энергию в свой лук.

Кровь, хлынувшая из его рта, смешалась с тёмной грязью.

Яд гидры пожирал его, и он прекрасный понимал, что время было на исходе.

Эта отрава когда-то довела его до самоубийства.

Теперь она пропитывала стрелы, который мститель без малейших колебаний отправил в полёт.

— Можешь забрать моё мёртвое тело.

«Грязь» зашевелилась, как будто живая, и Алкид улыбнулся ей, словно они были старыми друзьями.

— Проклинай меня сколько угодно. Меня, отказавшегося от божественности и вернувшегося к человечеству.

× ×

Перед новым храмом Иштар.

Разрушение неумолимо приближалось.

Необъятный поток силы надвигался на храм Иштар. Он стремительно увеличивался в размерах, поглощая не только лесные деревья, но и саму божественную ауру, накрывшую округу.

Девять стрел, окутанных слоями пыли, проклятия и миазм в форме гидры, за которыми следовала очередная масса энергии.

Головы ветряного змея, каждая толщиной со здание, стремились целиком проглотить храм Иштар и богиню, которой в нём поклонялись.

Стрелы изменили траекторию перед храмом; девять голов раскинулись в разные стороны и взмыли в небо, после чего начали внезапное падение, нацелившись на строение, словно самонаводящиеся ракеты.

В результате прямого попадания поток силы бы не только причинил земле невероятные физические разрушение, но и распространил проклятие со смертельным ядом, поправ владения богини с максимальной жестокостью.

Однако эту сверхзвуковую погибель остановили один страж и один божественный зверь.

Ореол Слуги Харли засиял и преобразился в радужный купол, накрывший храм.

Жестокость отразила сила ореола, который символизировал всё, что человечество считало *бедствием*.

А одно бедствие может сдержать другое. Берсеркер в одиночку остановила все клыки огромного ядовитого змея, порождённого демоническими стрелами.

Естественно, она не могла сделать это лишь с помощью магической энергии Харли.

Берсеркер возводила храм Иштар и поэтому напрямую подпитывалась божественной силой, переполнявшей это место.

Тем не менее, полностью отразить стрелы она не смогла. Проклятия в форме змеиных голов попытались вцепиться зубами в её бедствия, заряженные божественной аурой.

Но божественный бык, чья поступь была не такой медленной, как могло показаться, не оставил их безнаказанными.

С оглушительным звуком атмосфера Земли *повысила голос*.

Гугаланна. Божественный зверь, воплотившийся в форме огромного урагана.

Его называли Небесным быком не просто так. Из-за давления, которое он оказывал на всю округу, действительно казалось, будто падали сами небеса.

Все, кто находился на земле, не видели ничего, кроме гигантского копыта.

Известна классическая народная легенда о человеке из царства Ци, который боялся, что небо упадёт на него, и сходил с ума от паранойи.

Но в этот момент мораль истории перевернулась с ног на голову.

Необоснованный страх человека из царства Ци стал реальностью.

Сила богини Иштар – Венеры и лазурного свода во плоти – и копыто её зверя-спутника.

Небеса рухнули на леса Сноуфилда.

× ×

Небо над Америкой.

За пределами стратосферы Земли.

Зависнув вниз головой, Тиа Эскардос наблюдал за поверхностью.

- ...

Он видел, как очертания урагана слегка изменились: часть облаков вытянулась в сторону леса Сноуфилда.

Но его внимание было приковано не к этому.

А к тому, что находилось дальше на севере.

Ущелье, которое ещё не накрыли облака.

Тиа выстроил несколько спутников размером с фрукт, плававших вокруг него, образуя ряд, который начинался с его глаз.

Пространство между спутниками исказилось и превратилось в линзы, увеличившие изображение поверхности.

Этот созданный с помощью магии импровизированный телескоп спроецировал на пустоту мезосферы картинку в реальном времени.

В ущелье находилась группа людей.

Множество лиц, которые были Тиа знакомы.

Однако о нём они не знали.

Некоторые могли смутно подозревать о его присутствии, но не более того.

По сути, для Тиа эти люди были незнакомцами.

Но не для Флата Эскардоса.

Для юноши, некогда его сосуда, класс Эль-Меллоев был чем-то незаменимым. Единственным местом, которое он мог назвать домом.

Поскольку они всегда были связаны, Тиа знал про Флата всё.

Класс считался домом, куда он должен был вернуться, и именно эти люди делали его таковым.

Тиа цокнул языком и, манипулируя магической энергией вокруг него, начал медленно снижаться к поверхности.

Уничтожит ли он их, чтобы окончательно избавиться от сожалений и печали, или же великодушно поговорит с ними, раз они так хорошо относились к Флату?

Не в силах выбрать между этими двумя совершенно противоположными крайностями, *Тиа пристально посмотрел на одинокую голубую планету и попытался проскользнуть обратно на сцену близившегося разрушения Сноуфилда*.

× ×

Север Сноуфилда. Ущелье.

Женщина посмотрела на послеполуденные звёзды.

Ураган на западе втянул в себя все облака, из-за чего из ущелья всё ещё отчётливо было видно голубое небо. Она подняла левую руку, на которой красовалось кольцо, чтобы заслониться от ослепительного света.

— Что-то не так, Мэри? — спросил Каулес Форведж, заметив её поведение. Мэри Лил Фарго опустила взгляд и ответила:

— Пустяки. Просто мне кажется, что кто-то наблюдает за нами из владений звёзд.

Услышав это, Иветт Л. Лерман тоже запрокинула голову.

— А?! Какие же это пустяки, когда подобное говорит ветеран Анимусфиа?

— Ну… Видимо, это действительно мелочь в сравнении с тем, что сейчас происходит на земле, — произнёс Орг Рам, здоровяк в очках. Он смотрел на лес к западу от Сноуфилда, наблюдая за тем, что произошло сразу же после того, как окружённое облаками гигантское нечто опустилось вниз.

Судя по всему, змееподобную массу проклятий и магической энергии раздавило гигантское копыто, окутанное ветрами, молниями и божественной аурой.

Совладать с этим было *далеко не так просто,* как с падающим зданием. Здесь с неба рухнула целая скала Улуру, иначе не скажешь.

— Даже гадать не хочу, что это было, — сказал Орг, поправляя пальцем очки. Стоявший рядом мужчина с ехидным видом пожал плечами.

— Профессор всё бы понял с первого взгляда. Ответом всегда является наихудшее из его предположений. Отсюда головные боли и проблемы с желудком.

В дополнение к этим, казалось бы, насмешливым словам Фезграм фор Семберн пробормотал себе под нос: «Однако, как бы плохо ни развивались события, это его никогда не останавливало».

Эти маги были молодыми, но уже могли похвастаться множеством похвальных достижений. И теперь все они наблюдали за лобовым столкновением возвращения Эпохи богов и силы, которая её отвергала.

Не прошло и минуты, как ущелье накрыли последствия.

Несмотря на то, что на землю с небес только что опустилось нечто настолько огромное, она не задрожала и не треснула.

Вместо этого по миру пронёсся мощный порыв ветра, разносящий проклятие и магическую энергию.

Скорость яростного потока воздуха, сопровождаемого облаками пыли, превышала пятьдесят метров в секунду.

Танцуйте в нечётком эфире

— Perform a dance, Anywhere and nowhere.

Двигая руками, словно дирижёр, Вернер Цезармунд мягким тембром пропел свою арию.

Все бабочки, летавшие по ущелью, начали хлопать крыльями в унисон.

Это были созданные с помощью магии фамильяры, которые излучали тусклый свет подобно бледной луне в весеннюю ночь.

Лёгкие дуновения, порождённые крыльями бабочек, усмирили неистовый ветер, способный с лёгкостью перевернуть машину, и развеяли облака пыли и миазмы.

Вибрации, которые вызвали эти хрупкие фамильяры, создали барьер. Хотя его нельзя было назвать прочным, ситуация всё равно была затруднительной. Однако никто из членов группы не выглядел особенно удивлённым.

Наблюдавший за ними священник Ханза Сервантес поразмыслил над цепочкой магических техник, которая только что его впечатлила.

«Вот оно как. Значит, это и есть магия бабочки Вернера Цезармунда. Понятно теперь, почему такой юнец стал Брандом и угодил в список наблюдения Святой Церкви».

Он продолжал с удовольствием изучать одарённого мага, участвовавшего в Войне за Святой Грааль, как будто совсем не считал себя членом вышеупомянутой Церкви, которой следовало опасаться этого молодого человека.

При этом чувства подсказывали Ханзе, что все маги, окружавшие его, были одинаково могущественными.

× ×

Меньше минуты назад. Сноуфилд. Городской район.

«Приближается чрезвычайно мощный ураган. Просим всех жителей по возможности не покидать дома. Также рекомендуем укрыться в подземных убежищах, пока торнадо не стихнут...»

По всем телевизионным каналам и радио повторялось одно и то же предупреждение. Повсюду выли серены, звук которых был настроен так, чтобы усилить беспокойство жителей города.

Как правило, эти серены звучали, когда городу угрожали сверхмощные торнадо, способные уничтожить целое здание. Теперь они сообщали о приближении бедствия аналогичного уровня.

Тем не менее, жители города не до конца доверяли сиренам.

Они видели стену из облаков на западе, однако ветер был не таким сильным, как при обычном торнадо, а небо над городом было идеально синим.

Оглушительный шум можно было услышать по всему Сноуфилду, но он лишь доносился издалека. Ветер пока щадил город.

Во всяком случае, воздух казался тяжёлым как никогда.

Многие жители не обращали внимания на предупреждения и ходили по улицам, сомневаясь в том, что что город вообще пострадает. Ещё больше людей прилипли к окнам, выходящим на запад, и фотографировали гигантскую массу облаков.

— Странноватое местечко, — произнёс одетый как панк продавец аптеки, направляясь к клубу, который явно был прочнее, чем его дом. — Взрыв газа, теракт, эпидемия, метеоры, а теперь ещё и это. Такое чувство, что конец света не за горами.

В этот момент даже такому бунтарю, как он, стало жаль политиков, которым приходилось со всем этим разбираться. Не особо задумываясь об эвакуации, он приближался к клубу, думая, что там, по крайней мере, будет лучше, чем в его ветхой квартирке или аптеке.

— Клуб хотя бы под землёй. Только вот хреново будет, если дождь попадёт внутрь...

Тогда-то это и произошло.

— ?!

Ветер подул гораздо сильнее, чем прежде, мгновенно подняв облака пыли и обрушив на город ливень.

— У-у-у-у-ух! Внезапно, блин... Что за... Не может быть!

Он ни разу в жизни не видел такой бури.

Панк поспешил ко входу в клуб, но споткнулся и упал.

В его сторону покатилась перевёрнутая ветром машина.

— Ах... Чёрт...

Панк знал, что через секунду умрёт.

Однако что-то схватило его и прыгнуло вверх.

Тень оттолкнулась от летящей машины и продолжила движение, пока не оказалась у ближайшего здания.

Это был офицер полиции.

— Вы в порядке? Быстрее внутрь.

— Д-да, сэр.

Панк моргнул, не до конца уверенный в том, что увидел.

— А... Эй! Спасибо, мужик.

Явно сверхъестественные движения полицейского смутили панка, но он всё равно искренне поблагодарил своего спасителя.

Не ожидавший этого офицер вздрогнул от удивления и ослепительно улыбнулся.

— Пожалуйста. Работа у меня такая.

Джон был членом отряда под кодовым названием Клан Калатин. Обеспечив безопасность жителя города, он вновь помчался по улицам охваченного бурей Сноуфилда.

— Я ведь сейчас не выдал существование таинства, да?

Джон не сделал ничего, чтобы уменьшить силу своих ног, решив всё списать на сильный ветер.

Благородный Фантазм Слуги начальника давал Джону сверхчеловеческие способности на ограниченный период времени. Этим Слугой был Дюма.

Прошло несколько дней, но он всё ещё не привык к своей новой силе. В бою против необычного врага Джон обращался с ней весьма естественно, но теперь, в относительно мирной обстановке, он чувствовал, что ему с такой силой не совладать.

Джон, как и многие члены его отряда, патрулировал город с целью ускорить эвакуацию жителей ради сокрытия таинства.

Их всех уведомили, что через день Сноуфилд уничтожат.

Но начальник заявил, что будет бороться до последней секунды, чтобы это предотвратить.

Джон считал себя в первую очередь полицейским, а уже потом магом, поэтому решение начальника несказанно его обрадовало.

Он был доволен.

«Вы – правосудие во плоти».

Слова, прозвучавшие в первый день войны, продолжали поддерживать его.

Многое произошло за столь короткое время, но все эти события придали Джону не только сил сопротивляться буре, но и уверенности.

«Ты ненавидишь Эмия Кирицугу?»

Джон внезапно вспомнил чей-то голос.

«Кто это сказал?»

Кажется, это был кто-то, кого он встретил перед полицейским участком.

Может, девочка. Может, мальчик.

Самолёт, на котором летела твоя мать

Это была не случайность

И не теракт

Причиной крушения был

заклинатель

Прикрытие

Сокрытие

Если память ему не изменяла, на него просто вывалили кучу слов без контекста.

Их голоса переплетались и сбивали с толку.

Воспоминания о прошлом всплыли на окраине сознания Джона, пока он бежал сквозь ливень, по пути время от времени спасая жителей города.

Если память ему не изменяла, его душа содрогнулась, когда он услышал эти слова.

Если память ему не изменяла, его поглотила ненависть.

Но он уже всё преодолел.

Благодаря начальнику.

Поэтому он всё ещё мог сражаться.

«Потому что он приказал мне защищать город?»

«Нет, потому что это выбор, который я сделал сам».

Джон продолжал двигаться вперёд, веря в это всем сердцем.

Его тело было лёгким как пёрышко.

Он даже мог сказать, что оно как будто принадлежало кому-то другому.

«Но ничего страшного. Даже если я перестал быть собой… даже если я уже не человек, я знаю… знаю, что могу и дальше защищать город».

Увлечённый этими мыслями, Джон не замечал того, что с ним происходило.

Пока что.

× ×

Ущелье.

— Присмотревшись, могу сказать, что он стал гораздо эффективнее, чем в прошлый раз. Не припомню, чтобы ты с тех пор проходил какой-либо особый курс тренировок. Разве это не серьёзная проблема? — спросила Лувиагелита Эдельфельт, наблюдая за возведённым вокруг неё барьером бабочек.

Несмотря на странные слова Лувии, которая почему-то увидела проблему в увеличении эффективности, Вернер сдержанно кивнул, выражая согласие.

— Да. Это лучшее проявление моей магии. *Дела просто хуже некуда*.

Услышав это, Тосака Рин, которая не сводила глаз с леса, повысила голос.

— Если магия Вернера достигла своего пика… значит, местность уже *становится неоднозначной*, не так ли?

Магия семьи Цезармунд строится на *тайном процессе трансформации в совершенно новую форму жизни* подобно превращению гусеницы сначала в куколку, а затем в бабочку.

Это магия, которая вмешивается в мир, контролируя *неясный* интервал, когда определённое становится неопределённым, момент неоднозначности, в котором всё во вселенной может стать чем-то иным.

И то, что это было «лучшее проявление» его магии, означало лишь одно.

С ужасом наблюдая за лесом, Рин заявила:

— Если мы ничего не предпримем, эта метаморфоза действительно приведёт к концу известной нам реальности.

Сама суть человеческого мира постепенно менялась, начина с храма посреди леса.

Пока что это коснулось лишь качества магической энергии и общей атмосферы, но со временем изменения достигнут материи. При нынешних обстоятельствах этот храм станет отправной точкой *Сингулярности*, разъедающей мир.

И этим всё не ограничилось.

Из промышленного района прилетела очередная волна покрытых змееподобным проклятием демонических стрел, которые опутали гигантское «копыто».

Судя по их поведению, они словно выжидали, желая увидеть, чего добьётся первая порция стрел… или, возможно, та волна была лишь приманкой для «копыта», а настоящий налёт случится именно сейчас.

— Ух, я начинаю жалеть, что согласилась…

— Это да, но ты бы также пожалела, что пропустила всё это, не так ли?

— Пожалуй! Такое не каждый день увидишь.

Сёстры Радия и Надзика Пентел перешёптывались друг с другом, наблюдая за гротескным спектаклем в западной части города.

Услышав их, Лувия элегантно пожала плечами.

— Ну, может быть, если бы вы почаще сопровождали нашего учителя в его поездках, то видели бы подобные вещи гораздо чаще.

— И не говори. Ему так сильно везёт на такое, что мне кажется, будто он делает это нарочно, — пожаловалась Рин. Слова Лувии явно что-то ей напомнили.

В стороне от них переговаривалась другая пара молодых людей. Один излучал присутствие зверя, а другой – рептилии.

— Копыто, опустившееся с неба, несомненно, принадлежит божественному зверю. Оно прозрачное, словно вода, вот только пахнет чем угодно, но только не водой. Это запах, который всё принуждает повиноваться.

— Между тем эти змеи могут быть предком всех змеиных ядов и проклятий.

— Тебе это твои фамильяры сказали, Ролан?

— У всех змей в моём мире это существо вызывает страх, восторг, ненависть и обожание... Очаровательно, — Ролан Пержински хихикнул.

В ответ юноша-зверь по имени Свен Глашайт произнёс, пристально следя за битвой между двумя созданиями из Эпохи богов:

— Из-за того, что они всё тут развеяли, я не могу уловить запах этого идиота.

— Мы в любом случае должны заставить их покинуть эти земли... нет, выйти из этой Войны за Святой Грааль, — сказал Вернер.

— Что мы сделали сразу же после того, как заявили Наблюдателю о своём участии? Правильно, сцепились с божеством, — тяжело вздохнув, устало произнесла Рин.

Она заметила, что положительно относится к сложившейся атмосфере, и объяснения этому не было. Чтобы отвлечься, Рин вспомнила своего учителя, молодого человека, которого она подобрала в те дни, когда занималась пиратством, и серию событий, связанных с этими двумя людьми.

— Серьёзно... Как мы можем быть уверены, что учитель не пытается намеренно выследить и уничтожить все таинства? — проворчала она, вспоминая былое.

× ×

Верхняя часть нового храма Иштар.

— ...

— В чём дело, Иштар, моя богиня? — спросила Харли, увидев, как Иштар проигнорировала суматоху перед храмом и обратила свой взор на север.

— Хм-м... Ни в чём. Показалось, наверное. Я ощутила очень странное присутствие... Ни один человек из нынешней эпохи не может быть напрямую связан со мной или одним из моих воплощений, это просто невозможно. Может, потомок народа Урука? А, неважно.

Быстро пожав плечами, она перестала обращать внимание на эту мелочь.

— Что тут у нас... — произнесла Иштар, посмотрев на то, что происходило перед храмом. — Ах да. *Что за пустая трата таланта.*

Передняя нога её животного-спутника опустилась с небес на землю.

Наблюдая за клубком змей, которые пытались поглотить сотканную из божественной ауры плоть, богиня, занимавшая сосуд по имени Филия, пробормотала:

— Не разврати его жажда мести, он бы смог сделать то же самое с помощью одной лишь своей божественности.

Чувствуя Героическую душу, которая продолжала посылать демонические стрелы, принимавшие форму змея из Эпохи богов, Иштар произнесла слова, в которых не было ни страха, ни настороженности, ни уважения.

Просто мнение безразличного наблюдателя.

— Ну, боги-нахлебники западных земель были теми ещё чудаками. Вели себя так, словно им закон не писан, и чаще всего люди, которых они любили и ненавидели, ничего не говорили по этому поводу. Учитывая, насколько сильно извращены эти паразиты, я не могу винить его за то, что он стал таким. *Народ, который находился во власти Горы звездочётов, должно быть, влачил жалкое существование, страдая от культурных различий между людьми и олимпийцами*.

× ×

«Кристал Хилл». Крыша.

— Она всегда поддерживала богов. У меня не получится её отговорить, — прошептал Энкиду, стоявший на крыше «Кристал Хилл».

Вой ветра немного заглушал барьер, возведённый вокруг верхних этажей магами из организации Тины.

За его спиной стояла магесса, с которой он познакомился совсем недавно.

Самыми отличительными её особенностями были причудливые очки и акульи зубы.

Она назвалась Мастером Слуги Райдер, хоть и добавила «против моей воли».

Её статус явно требовал гораздо больше объяснений, чем это короткое заявление, но Энкиду не особенно удивился.

При приближении магессы он заметил её характерную связь Слугой и понял, что она не была враждебной.

Поэтому, как только она упомянула врага, ради уничтожения которого ей пришлось искать помощи у других, Энкиду сразу же предположил, что речь пойдёт о *секте богини* на западе Сноуфилда.

— Интересно, в нынешнюю эпоху ещё существуют такие тщеславные родители, которые заставляют своих непокорных детей носить украшения? Можно сказать, она одна из них. Всё делает ради того, чтобы потешить своё эго, и искренне верит, что для других так будет лучше. Она выслушает, но даже не попытается понять… или хотя бы подумать о том, чтобы понять.

Ясная речь Энкиду смутила магессу, но Слуга продолжил, не обратив на неё никакого внимания:

— Будь то оригинал или просто пятно на планете, она никогда не меняется. Именно поэтому я должен отвергнуть эту богиню… и её храм.

И плавным движением он возвёл на вершине здания нечто.

Золотые цепи опутали деревья и минералы под ногами Энкиду, формируя из них огромную фигуру.

Возведение было внезапным, но протекало так естественно, что любой наблюдатель принял бы речь Энкиду за часть процесса.

Единственными очевидцами были магесса, представившаяся Мастером Райдер, подчинённые Тины, которые охраняли вход на крышу, и Мастер Энкиду.

Но конечный результат увидели многие.

Обычный житель города, запрокинув голову в разгар бури, не заметил бы ничего, кроме яркого света на вершине «Кристал Хилл».

Независимых магов, решивших остаться в городе, привлекла плотная магическая энергия, но они далеко не сразу осознали увиденное.

Форма была слишком эксцентричной для объекта, созданного с помощью магии, однако никто не мог назвать её полностью невозможной.

И благодаря массивности сооружения ученики Эль-Меллоя в ущелье на севере, Сэйбер с двумя спутниками и богиня, величественно возвышавшаяся над храмом на западе, смогли его увидеть.

— Этот мусор делает всё возможное, чтобы поиздеваться надо мной… — произнесла богиня в лесу, стерев с лица все эмоции.

— Мало нам богини, так теперь ещё и это?! — раздражённо воскликнули маги в ущелье.

— Мать честная, не может быть! Это что, комедия по месопотамским меркам? Я почти уверена, что в Месопотамии ничего подобного не было! — покатилась со смеху зачинщица в пустыне.

— Думаю, мне стоит радоваться тому, что он решил подождать, пока большая часть жителей закроет окна. Я благодарен буре, кто бы мог подумать… — произнёс другой зачинщик, наблюдая за всем из безопасного места под землёй.

Но самая яркая реакция была вовсе не у них.

Сигма направлялся в район болот на востоке.

Нет, сам сохранял спокойствие. Бурно отреагировал «силуэт» старого капитана, появившийся рядом с ним.

— Эй, да он издевается!

— Хм? В чём дело? — спросил Сигма. Капитан был энергичным как никогда, чем изрядно смутил молодого наёмника.

Он видел то, что появилось на крыше «Кристал Хилл», но не находил причин для изумления. По мнению Сигмы, эта штука мало чем отличалась от арбалета, висевшего у него за спиной.

Однако старый капитан начал хихикать вместо того, чтобы объясниться. Тем не менее, его глаза были немного тронуты оттенком разочарования.

— Как иронично… что он решил построить именно это! Прямо под брюхом Уотчера… прямо под тем чёртовым монстром! Прямо перед тенями моих глаз!

Взгляд смеющегося мужчины был прикован к сооружению, пустившему корни в крышу высочайшего здания Сноуфилда. *К гигантской гарпунной пушке*.

— Он, как и всегда, производит ужасно много шума, — пробормотал Энкиду, стоя на крыше «Кристал Хилл», где возникло мультяшно огромное оружие. Его пронизывающий взгляд был направлен на необъятное скопление божественности на западе. — Из-за него я не слышу *её* голос.

Обычная спокойная улыбка исчезла с его лица, уступив место немного грустному лику и самому настоящему человеческому раздражению в глазах, что было для Энкиду ещё большей редкостью.

— Если тебе хватает высокомерия, чтобы пытаться замедлить развитие человеческого порядка, то ты зверь.

Голос Энкиду сохранил безмятежный тон, но в словах явно чувствовались чистый гнев и ненависть.

— И нет, я имею в виду не настоящих Зверей, Бичей человечества. В тебе нет ни капли их благородной любви. Сейчас ты просто вредитель на теле человеческого порядка и планеты… *не более.*

Продолжая с невозмутимым видом произносить резкие слова, Героическая душа прикоснулась к возведённому ею оружию.

— Полагаю, оно не предназначено для борьбы с вредителями, но…

В глиняном основании величественной гарпунной пушки сияли золотые гребни, напоминавшие о цитадели Урука.

Положив руку на платформу, Энкиду начал накачивать оружие своей магической энергией, смешанной с божественностью.

— Заимствуя этот продукт мудрости человечества и плод его достижений, я заявляю богине Иштар…

В диалоге не было никакой необходимости.

Энкиду просто послал сообщение о том, что их разговор закончился несколько тысячелетий назад.

Обещание, что он выполнит свой долг, в форме импровизированной клятвы, составленной из слов, которыми он обычно не пользовался.

— *Закрой свой рот… сейчас же.*

В тот же миг крышу «Кристал Хилл» окутала громовая вспышка, отгоняя неистовый ветер и ливень.

Из пушки вылетел гарпун размером с баллистическую ракету.

К задней его части крепилась столь же огромная золотая цепь.

Она обладала теми же свойствами, что и цепи, которые Энкиду использовал в качестве основного оружия. Цепь и гарпун превратились в единую полосу света, образуя золотую радугу, прорывающуюся сквозь бурю.

Говоря точнее, эта радуга была не только атакой, но и мостом, опоясывающим мир, атмосфера которого начала окрашиваться цветами Эпохи богов.

Гигантский гарпун двигался на запад, пронзая опасные ветра, символизировавшие власть и тиранию богов.

Словно одинокий герой, прорубающийся сквозь бесконечную армию солдат.

× ×

— Н-н-н-н-ни капли уважения… — произнесла богиня Иштар, унимая нервный тик.

Она молча вытянула руку навстречу гарпуну.

Пространство над храмом высвободило огромное количество божественности, и *атмосфера* сгустилась.

Но в отличие от выпущенных ранее ракет гарпун даже не замедлился.

Тело Энкиду изначально являлось оружием, созданным богами, поэтому он по природе своей был эффективен даже против них.

То, что должно было позволить людям использовать силу богов, стало пронизывающей мощью, этих богов отвергающей.

— Какой грубый мусор.

Однако Иштар прекрасно это понимала.

Она выбрала правильную цель для своих чар. *Воздух*.

Богиня сжала ветра, порождённые Гугаланной, остановила их и *превратила в вязкий пар*.

Она – небо во плоти.

Всё, что находится над землёй, подчиняется ей и может стать частью её тела.

Огромный гарпун, который летел в сторону Иштар, словно вошедший в атмосферу метеорит, объял сильный жар, а воздух вокруг него изменил цвет.

Однако этого всё равно было мало, чтобы полностью нейтрализовать мощный удар Эпохи Вавилона, Благородного Фантазма Энкиду.

Сверкающий гарпун продолжал разрывать новую Эпоху богов, которую создавала Иштар, но уже гораздо медленнее.

Снаряд не успевал куда-либо долететь… но вмешательства третьей стороны хватило, чтобы повлиять на поле боя.

× ×

Пуская ядовитые змеиные стрелы с вершины трубы, Алкид заметил цепь света, рассекающую небо.

— Не бог… но одна из их реликвий…

Воздух изменился, из-за чего его стрелы стали заметно слабее.

Но Алкид не возражал. В его распоряжении было столько магической энергии, что он мог компенсировать снижение урона увеличением количества.

Девятиглавые змеи, нападавшие на храм одна за другой, напоминали чёрный потоп.

И следующий ход Алкида сделал это описание буквальным.

Глядя на цели цепи света – на храм Иштар и на Небесного быка, которого опутали созданные им гигантские змеи – он произнёс:

— Раздели судьбу Авгия, скот.

В тот же момент Алкид активировал свой Благородный Фантазм, Царские приказы.

Копия змея, возникшая из его следующего залпа, лопнула, словно наполненный водой шарик, как только достигла деревьев.

И превратилась в самый настоящий чёрный поток, который принялся поглощать лес.

Одним из подвигов Алкида при жизни были авгиевы конюшни.

Приказ за один день вычистить огромный скотный двор с тремя тысячами лошадей, за которыми не ухаживали десятилетиями. Больше унижение, чем труд покаяния.

Царь Авгий обманул Алкида, за что в конечном итоге поплатился жизнью, но важно было не это.

Чтобы справиться с задачей и вычистить конюшни, в которых владелец ни разу не бывал, Алкид воспользовался очень простым и поистине нестандартным методом.

Воспользовавшись своей невероятной силой, он завалил камнями русла двух рек и отвёл их воды прямо в загоны.

С помощью силы Благородного Фантазма Алкид мог воспроизвести те мутные воды, которые когда-то позаимствовал. Миазмы ядовитого змея и магическая энергия «грязи» превратили их в чёрный поток, который обрушился на лес.

× ×

Окружённый бушующей магической энергией, *он* задумался.

Он не ведал всего.

На самом деле ему было известно очень мало.

Он не знал даже, зачем ему жить.

Да, у большинства живых существ при появлении на свет тоже не было ответа на данный вопрос, но конкретно он никогда даже не задумывался об этом.

Он испепелил бы свои тело и разум, если бы это помогло ему оставаться живым.

Даже не думая о причине, он всегда кричал о своём желании, возникшем из чистого инстинкта: *жить*.

Но что же теперь?

Он продержался так долго лишь благодаря силе того, кто отозвался на его желание.

Он больше ни разу не сталкивался с животным, которым двигало бы исключительно стремление убить его, а создание, повстречавшееся ему – существо под названием «Слуга» - защищало его от всех невзгод.

Впервые в жизни он испытал покой.

Что положительно сказалось нервах.

И мысли начали медленно появляться в его голове.

Мысли, а не инстинкты.

Разум, а не импульс.

Сколько он себя помнил, ему всегда казалось, *что его жизни что-то угрожало*, но теперь это чувство исчезло.

Он в первый раз задумался над тем, кем он был и для чего жил.

Однажды в лесу появились два существа.

Оба по форме очень похожие на Слугу.

Но в их присутствии чувствовалась разница.

Одно из них относилось к тому же виду, что и Слуга, спасший его жизнь, но другое было *похоже на него.*

Не чувствуя враждебности, он прижался к существу, которого считал своей ровней, и вместе они принялись наблюдать за разговором их спутников.

Всё закончилось боем между Слугами.

Его ровня, сидевшая рядом, запаниковала, но, поскольку ей было известно, что они не собирались убивать друг друга, просто продолжила смотреть с удивлением в глазах.

Он узнал, что Слуги были чрезвычайно могущественными.

Ему стало интересно, почему они не позволили азарту боя полностью завладеть ими, ведь сил у них было более чем достаточно.

На следующий день его сомнение сменилось опасением.

Всё изменилось, когда в этих землях появилось странное присутствие.

Похожее одновременно на приятные объятия и непреодолимый ужас.

С первыми признаками этого появления присутствие Слуги тоже изменилось.

Его лицо и слова остались прежними.

Слуга стал одним целым с лесом и землёй. Он не мог избавиться от чувства, что его спутник всегда с чем-то боролся, несмотря на безмятежную улыбку.

Это был лишь смутный знак.

Нечто пустяковое, едва уловимое, но он это чувствовал.

В Слуге назревал вихрь ненависти и агрессии. Нечто похожее обуревало его бывшего владельца, когда тот преследовал его с оружием в руках.

«Тёплое, но страшное» присутствие становилось сильнее... и Слуга начал проявлять эмоцию, похожую на печаль.

Лицо оставалось прежним.

Голос с манерами тоже не менялись, и он продолжал защищать его.

Даже теперь, на этой крыше, перед лицом ошеломляющей массы силы и накрывшей землю бури...

Слуга всё ещё был рядом с ним.

И к нему наконец-то пришло осознание.

Что он был клеткой Слуги. Его цепями.

Что он ничем не отличался, от того существа под названием «маг», которое сковало его и держало взаперти.

Что Слуга *хотел что-то сделать*.

Но пока он находился рядом – пока Слуга защищал его – осуществить это «что-то» не представлялось возможным.

Как только он это заметил, внутри него зародилась новая эмоция.

Эмоция, похожая на «печаль», как её называли люди.

Ещё её можно было описать как ненависть к себе.

Он не чувствовал гнева, даже когда его создатель был в шаге от того, чтобы убить его, но теперь он злился на себя, потому что сам стал похож на своего творца.

Была одна вещь, на которую он не мог обратить внимание, потому что отчаянно пытался выжить.

Его желание – его мечта – уже исполнилось.

Слуга показал ему путь к дальнейшему выживанию. Он защищал его.

«Тогда что дальше?»

Его недавно сформировавшееся эго задумалось в попытке как можно быстрее найти ответ.

Если он чего и желал…

Если что и придало бы его жизни смысл…

Да. Освобождение живого существа рядом с ним.

Он не мог позволить себе стать чьими-то оковами.

Поэтому, исполненный намерения наблюдать за ним до самого конца, он протянул к своему спутнику лапу.

Чтобы заявить Слуге о желании Мастера.

Его лапа сделала шаг.

Не чтобы убежать, а чтобы выбраться из этой передряги живым, следуя сознательной воле, которая не зависела от его инстинктов.

Чтобы сразиться с неведомым миром. Или с самим собой.

× ×

«Кристал Хилл». Крыша.

Ударная волна от выстрела сдула магессу и подчинённых Тины, но возникшие из крыши золотые цепи не дали им упасть со здания.

— Так вот она какая, полная сила Героической души…

Магесса с очками, Дорис Люсендра, пыталась проанализировать невероятную мощь Слуги, глядя на него глазами, в которых смешались радость и разочарование.

Она проиграла Тосаке Рин и передала свои права Мастера классу Эль-Меллоев.

Но, *поскольку их метод работает стабильнее с первоначальным обладателем командных заклинаний в качестве катализатора*, её включили в группу, сделав самым младшим Мастером Райдер.

Разумеется, с ней заключили очень строгий магический договор и не стали делиться командным заклинанием.

И всё же сила Героической души была не единственным, что её поразило.

На неё также произвёл впечатление поставщик магической энергии, допускавший такой уровень разрушения.

«Он вливает в Слугу столько энергии и при этом не истощает свои запасы?.. Будь я на его месте, меня бы едва хватило только на создание гарпунной пушки. Героическая душа, способная беспрерывно использовать Благородный Фантазм... Для обычного мага это просто уму непостижимо...»

Дорис перевела взгляд на Мастера Энкиду.

На химеру, которую, как и её, удерживали на крыше цепи Энкиду.

Мастер Энкиду, оберегаемый цепями серебряный волк, тихо приблизился к своему спутнику и вцепился зубами в его одеяния, пытаясь о чём-то сообщить.

— Ах, прости, Мастер. Тебя это, наверное, очень напугало.

Искренне извиняясь, Энкиду коснулся рукой щеки серебряного волка.

— Успокойся, Мастер. Твоей жизни ничто не угрожает. Я могу остаться здесь, только скажи... А если со мной что-то случится, то ты можешь обратиться к той девочке на верхнем этаже за помо...

Энкиду остановился на полуслове.

Серебряный волк ещё сильнее потянул ткань на себя и уставился на него свирепее, чем когда-либо.

Поняв, что это означало, Энкиду преклонил колено, чтобы их с Мастером глаза оказались на одной высоте.

— Тебе не нужно беспокоиться о том, чего хочу я, Мастер. Я инструмент. Расходный материал с рождения... К тому же меня всё равно не станет, когда этот ритуал закончится.

Его откровения перед Мастером могли показаться странными, но те, кто знал Энкиду, с готовностью подтвердили бы, что для этой Героической души подобное было вполне естественным.

Будь его Мастер человеком, духом природы или химерой, Энкиду всегда считал себя инструментом.

Таким его создали боги, и он знал, в чём заключалось его предназначение. Стать идеальной имитацией *человека*. Существа, которое боги пытались понять.

Поэтому он смог определить сбой в своей системе и то, что его вызвало: божество на западе и сопровождающая её Героическая душа.

Приняв всё это во внимание, Энкиду выбрал логичный способ помочь своему Мастеру и в то же время исправить собственные ошибки.

Чего он точно не ожидал, так это того, что его Мастер воспротивится.

— ...

Связав воедино намерения серебряного волка, Энкиду спокойно произнёс:

— Тебе стоит думать лишь о собственном желании. О выживании. Я – твой инструмент. В этом смысл моего существования. Поэтому, Мастер, оставайся в безопасности, пока я не разберусь со всем что угрожает миру и те...

Его снова прервали.

В этот раз Мастер взвыл.

Волк, желавший до этого лишь жить, теперь тянул на себя одежду Энкиду с сильной волей, которая отражалась в его глазах.

«О чём он думает?»

Они замерли и принялись молча наблюдать друг за другом.

Как серебряный волк и Героическая душа.

Как химера и творение богов.

Как Мастер и Слуга.

Хватило всего пары секунд.

Энкиду всё понял.

— Прости, Мастер. Признаю, я забыл, что был инструментом, когда увидел эту дрянную древнюю богиню и... моего друга, — сказал Энкиду, обнимая своего Мастера.

— ...

— Но ты... сердишься не потому, что я забыл. Тебя злит то, что я пытался вновь стать инструментом.

Его голос был безмятежен, но в нём чувствовались одновременно радость и печаль. Следующее послание Энкиду его Мастеру было выражением благодарности и в то же время признанием вины.

— Спасибо, Мастер... Я скоро вернусь.

Та же мягкая улыбка, которой он когда-то поприветствовал волка.

Тогда Мастер не мог отчётливо разглядеть это лицо, потому что находился на грани смерти.

Тем не менее, волк почувствовал, как аура его спутника приобрела прежний цвет, и понял, что лицо Энкиду стало таким, потому что они, возможно, больше не встретятся.

Посмотрев на Энкиду в последний раз, волк от всего сердца завыл на бушующее небо.

— Пусть твоя жизнь будет такой, как ты захочешь.

Сказав это на прощание, Энкиду взмыл вверх.

Серебряный волк провожал его взглядом. Он не вилял хвостом. Не лаял. Просто наблюдал.

Наблюдал, как существо, с которым он провёл столь мало времени, улетал, чтобы *жить* свободно.

Серебряный волк прекрасно понимал две вещи.

Что, какой бы путь он не избрал, его судьба не сильно изменится.

И что он, как и Энкиду, вскоре исчезнет. При его создании долгая жизнь не предусматривалась.

Он не знал, сколько месяцев, недель или дней у него осталось.

Для волка, который не представлял даже, что такое календарь, все числа были одинаковыми.

Он желал наблюдать, как Энкиду *живёт*, и больше ничего.

Серебряный волк был искусственно созданной химерой.

Он не знал, что такое семья, друзья, последователи, и *не хотел* знать.

Для него имела значение лишь связь между *Мастером* и *Слугой*.

Иерархия в этих отношениях его не интересовала.

Энкиду требовал, чтобы его использовали как инструмент, но теперь волк умышленно отвергал этот смысл слова «Слуга».

Термины «Мастер» и «Слуга» можно было свести к нарицательным словам, лишить из первоначального смысла. Для волка же единственным смыслом этих отношений было просто *находиться рядом друг с другом*.

Этого было достаточно, чтобы придать его жизни смысл.

Это придало его жизни смысл.

Вот почему серебряный волк хотел лишь увидеть, как Энкиду *живёт*.

Делает то, что придаёт смысл его жизни и больше ничьей.

Чтобы в тот момент, когда отведённое ему время наконец-то подойдёт к концу, он сможет сказать, что они *жили вместе*, а не просто *существовали вместе*.

Они не прошли через приключение, которое запечатлелось бы в истории. У них не возникла какая-то глубокая любовь друг к другу.

Но несмотря на это...

Серебряный волк с гордостью смотрел на существо, с которым провёл всего каких-то несколько дней.